

делов, создавать словарно-понятийные статьи для предложенных преподавателем терминов.

Детальное изучение принципов организации лексикона должно пролить свет на такие злободневные проблемы психолингвистики и общего языкознания, как проблема значения слова, проблема отражения в слове энциклопедических и языковых знаний индивида, проблема одновременного учета говорящим или слушающим человеком всего комплекса закрепленной за словом разнородной информации, а затем использование полученных результатов в практике преподавания иностранного языка.

Список литературы

1. Пиаже Ж. Избранные психолингвистические труды. Психология интеллекта. М., 1994.
2. Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика. — М.: Радуга, 1983.
3. Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. — М.: Наука, 1967.
4. Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании — Известия, АН СССР, Отдел общественных наук, 1931, прим. 1
5. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. — М.: Наука, 1981.
6. Залевская А. А. Психолингвистические исследования принципов организации лексикона человека АР Я, 1980.

Яценко Т. А.

СОВРЕМЕННЫЕ ЛИНГВО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ПРИЧИННО-СЛЕДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

Характерными особенностями преподавания русского языка инофонам в течение последнего десятилетия являются неразрывная связь лингводидактики и современной лингвистики, а также обращение к психолингвистике, культурологии и межкультурной коммуникации. В 90-е годы 20 века начался новый этап формирования функционально-коммуникативной лингводидактической модели русского языка (ФЛМЯ). На Юбилейной конференции в МГУ им. М. В. Ломоносова, посвященной 50-летию кафедр РКИ, особое внимание было акцентировано на том, что в начале 21 века уже можно говорить о сформированности ФЛМЯ, ибо своевременная практика преподавания русского языка как иностранного (РКИ) располагает адекватным лингводидактическим обеспечением. “В то же время ФЛМЯ понимается не как застывшая раз и навсегда данность, а как непрерывный процесс творческого познания языка и путей его освоения носителями других языков” [1, с. 231].

Основой ФЛМЯ, несомненно, является функционально-коммуникативная грамматика, для которой принципиально важно изучение семантического пространства языка, национально детерминированных интерпретаций явлений внеязыковой действительности, в том числе таких категорий, как количественность, неопределенность, пространство, время, причина и др.

Предметом нашего исследования является изучение лингвистической интер-

претации причины. Причина — одна из важнейших онтологических категорий, отразившихся в языке. В силу своего логического характера она в гораздо большей степени, чем, например, категория пространства и времени, национально индивидуализирована, что обуславливает трудность её усвоения инофонами.

Современные лингвистика и лингводидактика отдают несомненное предпочтение рассмотрению причины в неразрывной связи со следствием (М. В. Всеволодова, Р. М. Теремова, Н. К. Онипенко, Э. С. Котвицкая, Е. Г. Борисова, Г. И. Володина, В. В. Жданова и др.). М. В. Всеволодова и Е. Н. Виноградова выделяют категорию “причина — следствие” в качестве одной из центральных как в философии, так и в языке [2, с.70]. Соответствующие разделы в учебниках и учебных пособиях озаглавлены “Причинно-следственные отношения”.

При изучении причинно-следственных отношений (ПСО) в простом предложении с именной причинной группой (ИПГ) — *из-за дождя* утвердилось понятие причинно-следственной конструкции (ПСК), включающей ИПГ и следственный компонент: *опоздали из-за дождя*[3]. При изучении ПСО в сложном предложении выделяются предикативные единицы со значением причины и значением следствия [4]: *Мы опоздали¹, потому что шел дождь²* (1 — следствие; 2 — причина).

Между тем, понимание своеобразия языковой интерпретации ПСО осложняется тем, что термин “причина”, по нашим наблюдениям, употребляется, по крайней мере, в трех значениях:

- 1) собственно сама связь между двумя событиями или двумя фактами (по З. Вендлеру [5]), при которой одно порождает другое;
- 2) именование того события, которое “причинило” другое событие (следствие);
- 3) концепт культуры [6,7].

Представляется возможным в учебных целях внести уточнения в терминологию:

- 1) причинная (каузальная) связь — отношение между двумя событиями;
- 2) причинный компонент (каузатор) — языковое выражение события — причины;
- 3) причина (или каузальность) — концепт культуры.

Сама причинная связь “улавливается” нелегко, ибо она находится не в физическом, а в ментальном пространстве. З. Вендлер, утверждая, что “причины — это факты, а не события”, весьма образно и экспрессивно доказывает отсутствие причины в видимом мире: “Если причины, подобно следствию, являются событиями или слово *cause* хотя бы иногда обозначает событие, то тогда почему же нельзя и помыслить о том, чтобы причины происходили или имели место, о том, чтобы они в определенное время начались, столько-то длились и внезапно закончились? Почему ни один мудрец не может наблюдать или выслушивать причины, ни один ученый не может смотреть на них в телескоп или регистрировать посредством сейсмографа и никому не удавалось записать причины на магнитофон или заснять на кинолентку?” [5, с.271-272].

Да, на самом деле, материальная фиксация причины невозможна. Установление причинных связей происходит в человеческом сознании. Известно, что в языке категория причинности оформилась позже других. По наблюдениям А. Ф. Лосева (на материале языков инкорпорированного строя), первой ступенью абстрагирующего мышления было выделение человеком в окружающем его мире способности вещей “распределяться в том или ином пространственно-временном порядке” [8, с.318].

Постижение логического порядка, очевидно, было следующей ступенью.

Изучение причинно- следственных отношений невозможно вне когнитивного подхода, ибо сам факт установления этих отношений — важнейший элемент познания мира и истины. Заметим, что для современного этапа развития методики РКИ характерно тесное единство коммуникативного и когнитивного начал [9, с.237]

Представляется правомерным свести всё многообразие видов причинно-следственных отношений к основным четырём типам:

I. Что способствует чему: *Дожди привели к наводнению.*

II. Что препятствует чему: *Дожди помешали путешествию.*

III. Что порождает что: *Ложь порождает преступление.*

IV. Что уничтожает что: *Ложь убивает дружбу.*

Общепризнанно, что причина относится к понятийным категориям, которые, по словам И. И. Мещанинова, не просто описываются средствами языка, а формируют его семантическое пространство и грамматический строй [10, с.15]. Понятийная категория в каждом конкретном языке реализуется в виде семантической категории, выраженной разноуровневыми средствами данного языка.

Языковая реализация семантической категории обладает полевой структурой, что послужило основой для представления функционально-семантического поля. По определению основоположника этой теории А. В. Бондарко, “функционально-семантическое поле — это группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории” [11, с.17].

Таким образом, есть все основания для выделения функционально-семантического поля каузальности (ФСПК) (в работах М. В. Всеволодовой принят термин функционально-семантическое поле причинности (ФСПр), т. к. в пределах этого поля: 1) разграничиваются центр (собственно- причинные значения, изосемические средства выражения) и периферия (осложненные значения, неизосемические средства выражения); 2) наличие микрополей (в соответствии с типовыми ситуациями); 3) разноуровневые средства выражения (от лексики до синтаксического целого); 4) пересечение с другими полями (локальности, темпоральности, финальности и т. д.).

Представление функционально-семантической категории каузальности в виде поля “диктуется” самим языковым материалом. Покажем это на примерах передачи одного и того же значения на разных языковых уровнях, раскрывая одновременно и основные способы выражения ПСО в русском языке. При этом используются аббревиатуры: ПП — простое предложение, СПП — сложноподчинённое предложение, ССП — сложносочинённое предложение, БСП — бессоюзное сложное предложение.

1. Структура ПП:

1.1. Глагольный причинный релятор:

Сильный снегопад привёл к аварии.

1.2. Именной причинный релятор:

Сильный снегопад — причина аварии.

ИПГ: *Из-за сильного снегопада произошла авария*

2. Структура СП:

2.1. СПП:

Произошла авария, потому что был сильный снегопад.

2.2. ССП:

Был сильный снегопад, и (поэтому) произошла авария.

2.3. БСП:

Произошла авария: был сильный снегопад.

Возможность осложнения причинного значения другими видами значений (периферия поля) можно показать на ряде примеров:

1) осложнение временным значением:

Во время сильного снегопада произошла авария;

2) осложнение значением степени:

Снегопад был таким сильным, что произошла авария.

Очевидно, что изучение причинно-следственных отношений в процессе преподавания русского языка инофонам должно начинаться с неосложнённых значений, представленных изосемическими средствами выражения, к которым относятся:

— сложноподчинённые предложения с придаточными причины и следствия (2.1);

— сложносочинённые предложения с союзами, оформляющими причинно-следственные отношения (2.2.).

Сложноподчинённые предложения с придаточными причины и следствия — наиболее универсальное средство выражения причинно-следственных отношений, т. к. причинная ситуация и следственная ситуация представлены расчленённо отдельными предикативными единицами, которые связаны специализированными средствами выражения причинно-следственных отношений: союзами и частицами.

Конструкции такого типа характерны для многих европейских языков и подробно описаны в научной, методической и учебной литературе [2; 4; 12].

Если рассматривать “причину-следствие” как одну категорию, то употребление причинных союзов (потому что, оттого что, так как, ибо, поскольку, в силу того, что, благодаря тому что, в результате того что, вследствие того что и др.) или следственных союзов (так что, по причине чего, по той причине, благодаря чему, в силу чего, в результате чего, вследствие чего и др.) зависит лишь от ракурса подачи категории.

“Выбор причинного или следственного союза обусловлен коммуникативной установкой автора: он маркирует либо причинный, либо следственный компонент в зависимости от коммуникативной стратификации дискурса” [2, с. 70]. Это явление может быть продемонстрировано примерами: *Авария произошла, потому что был сильный снегопад.* — *Был сильный снегопад, почему и произошла авария.* Причинные и следственные союзы и особенности их употребления достаточно полно представлены в научной и учебной литературе. Следует также обратить внимание инофонов на возможность использования частиц *ведь, же*: *Мы не пойдём пешком, ведь дождь сильный; Не ходи туда, ты же устал.* При этом отмечается, что частица *же* характерна для разговорной речи. Определённую сложность для инофонов представляет употребление членимых союзов: *потому что, из-за того что*. Членимые союзы могут произноситься:

а) нерасчленённо, как одна интонаема: *Не $\uparrow$ пришёл, потому что $\downarrow$ заболел;*

б) расчленённо, когда между предложной и собственно местоименной частями двух-или трёхкомпонентного союза происходит синтагматическое членение: *Не пришёл $\uparrow$ потому, что $\downarrow$ заболел.* [2, с. 81]

В первом случае обе части союза входят в причинный компонент. Во втором случае синтагматическое членение проходит внутри самого союза. При этом расчлeнённый союз может маркировать причинную часть в реме: *Многие сегодня опоздали на работу, **и** потому, // что на улице **и** заносы*; или — в теме, создавая так называемую комплексную, или двойную тему (при сохранении контактного расположения компонентов союза):

*Из-за **и** того, / что на улицах **и** заносы, // многие опоздали сегодня на работу* [2, с. 82].

Приведённый материал убедительно показывает взаимосвязь между актуальным и интонационным членением предложения, что характерно для современных синтаксических исследований.

Обращаясь к ССП, мы в первую очередь предъявляем конструкции, в которых причинная связь маркирована: *На улице заносы, и поэтому многие опоздали на работу*. Далее можно показать, что ПСО могут быть выражены и в ССП без маркирующих союзов: *На улице заносы, и многие опоздали на работу*. При этом необходимо подчеркнуть, что одна ситуация следует за другой, и при этом ситуация-причина в обязательном порядке предшествует ситуации — следствие, что соответствует их последовательности в реальной действительности.

После изложения данного материала целесообразно перейти к представлению ПСО в БСП, где отсутствует вербально выраженное указание на ПСО: *Многие опоздали на работу: на улицах заносы*. В таких случаях жизненный опыт, знания, пресуппозиция позволяют увидеть причинную связь между двумя событиями. Порядок следования частей оказывается несущественным.

Переходим к анализу выражения ПСО в простом предложении (ПП). ПП является не изосемическим, но системным для русского языка средством выражения ПСО.

Предлагается начинать изучение выражения ПСО с таких конструкций ПП, где сама причинная связь имеет вербальное выражение. Это ПП с глагольными и именными причинными предикатами: *Сильный снегопад привёл к аварии; Сильный снегопад — причина аварии*. Конструкции такого типа относятся к центру ФСПК.

Глагольные причинные предикаты (2.1.) представлены группой глаголов со значением логической связки (*обуславливать, обуславливаться, определять, определяться, зависеть*): *Строение решётки определяет свойства кристалла. — Свойства кристалла определяются строением его решётки — и каузальными глаголами: Землетрясение в океане вызывают появление цунами. — Цунами вызываются землетрясениями в океане*.

Представленные конструкции весьма частотны в научном и публицистическом стилях, поэтому работа с ними должна занимать больше места при изучении ПСО, чем это даётся во многих учебных пособиях.

Известно, что каузативные глаголы являются древнейшим способом выражения каузальности во многих языках и каузативный залог существовал в индоевропейских языках как грамматическая категория. И в современных европейских языках, прежде всего в романских, каузативные глаголы являются основным средством выражения ПСО в ПП [13].

Само русское слово “причина” (как и латинское *causa*) соотносится с каузативным глаголом *причинять/причинить*. В современном русском языке глагол *причинять* выступает чаще всего в сочетаниях с именами, называющими деструктивные явления (*разрушение, разрыв*) и неприятные психо-физические состояния живого су-

щества (страдание, боль, неприятности): Такие недалёковидные поступки причиняют страдания другим людям (Газета).

При работе с каузативными глаголами предлагается разделить их на 4 группы в соответствии с основными типами ПСО.

I. Что способствует чему: *помогать, способствовать, содействовать; двигать, подталкивать, ускорять; приводить; заставлять, позволять, побуждать, вынуждать и др.*: Чёткая организация труда способствует успеху; Ложь ведёт к преступлению.

II. Что препятствует чему: *мешать, препятствовать, останавливать, замедлять, задерживать, тормозить и т. д.*: Плохая организация труда тормозит дело.

III. Что порождает что: *порождать, порождаться, вызывать, вызываться, простекать (из чего?), корениться (в чём?)*: Неуверенность порождает страх (Д. Карнеги) — страх порождается неуверенностью; Неуверенность вызвана незнанием своих способностей (Д. Карнеги).

IV. Что уничтожает что: *уничтожать, губить, убивать, прекращать, искоренять*: Засуха уничтожила посевы; Неуверенность в себе губит любое дело.

Работая с конструкциями такого типа, обращаем внимание на конверсивы активного и пассивного залогов, что было показано на примерах, а также на антонимические противопоставления (помогать — мешать, способствовать — препятствовать, ускорять — замедлять, порождать — уничтожать и др.), что способствует интенсификации усвоения материала.

От глагольных причинных реляторов предлагается перейти к именным причинным реляторам (1.2.)

При анализе простых предложений с именным причинным релятором представляется целесообразным сразу показать конверсивы со значением причины и следствия: Сильный снегопад — причина аварии. — Авария — следствие (результат) сильного снегопада.

Конструкции такого типа характерны для многих языков, поэтому их понимание не составляет особых трудностей. При этом следует представить парадигму: Сильный снегопад был (стал) причиной аварии; Сильный снегопад будет (станет) причиной аварии, обратив внимание на нулевую форму глагольной связки в настоящем времени и форму творительного падежа имени при наличии глагольной связки, см. также: Сильный снегопад является причиной аварии.

На продвинутом этапе обучения считаем полезным показать функционирование именных причинных связей метафорического характера, соотнося их с четырьмя типами глагольных причинных реляторов:

I. Двигатель, ускоритель, толчок, катализатор; путь, дорога и др.: Наука — двигатель прогресса; Ложь — дорога к преступлению (Пословица).

II. Препятствие, тормоз, ограничитель и др.: Самый сильный тормоз при художественном развитии артиста — торопливость, надрывание своих неокрепших сил (К. Станиславский).

III. Порождение, плод, детище, мать, отец; исток, источник, корень (корни) и др.: Эти вопросы — порождение праздного любопытства (Газета); Праздность — мать пороков (Пословица).

IV. Смерть, гибель, конец и др.: Отступление — смерть вооружённого восстания. На наш взгляд, именно такое системное представление причинных реляторов

не только помогает лучшему усвоению, но и наглядно демонстрирует полевой характер исследуемой функционально-семантической категории.

Следующим этапом изучения ПСО в ПП является обращение к причинно-следственным конструкциям, к использованию именных причинных групп, что представляет специфическую трудность для инофонов. Однако именно этот материал представлен наиболее подробно в современных учебниках РКИ, в специальных лингвистических исследованиях [3; 14; 15].

Поэтому позволим себе остановиться только на самых принципиальных положениях.

1. Именной причинный компонент анализируется в неразрывном единстве со следственным компонентом. Анализ идёт на уровне причинно-следственной конструкции (ПСК).

2. Анализ ПСК проводится в соответствии с определёнными типовыми ситуациями, например: Замена одного из участников ситуации другим по причине, его отсутствия или непригодности: *За отсутствием врача больных принимал фельдшер* (А. Чехов); Черты характера агенса определяют его ошибочное действие: *По небрежности они забыли его убрать, — подумал Данилов* (В. Орлов).

3. Постоянное внимание уделяется классам слов, выступающим в роли причинного или следственного компонента.

4. Обращается внимание на использование основной ИПГ и возможности синонимической замены: *Соревнования перенесли на другой день из-за дождя, — по причине дождя, вследствие дождя.*

5. Целесообразно представление коммуникативных разновидностей ПСК, например: *Тогда из-за снежных заносов поезда опаздывали. — Опоздания поездов — из-за снежных заносов; Снежные заносы — причина опоздания поездов; Снежные заносы приводили к опозданию поездов.*

Последнее положение также подтверждает правомерность изучения ИПГ в составе ПСК на заключительном этапе изучения темы “ПСО в русском языке”.

Причинно-следственные конструкции, несомненно, представляют один из важнейших фрагментов русской языковой картины мира. Изучение ПСК не только учит инофонов корректному построению высказываний, но и открывает широкий мир русских представлений о взаимосвязи Причины, Следствия, Воздаяния и других важнейших концептов русской культуры. Рамки статьи не позволяют раскрыть эту тему, которая отчасти разработана в других исследованиях автора.

Список литературы

1. Амиантова Э. И., Битехтина Г. А., Всеволодова М. В., Клубкова Л. П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности “Русский язык как иностранный”) // Вестник Московского университета. Серия 9. — Филология, 2001. — №6.

2. Всеволодова М. В., Виноградова Е. Н. Средства связи, участвующие в выражении причинно-следственных отношений, в рамках функционально-коммуникативного описания языка (корпус средств и актуальное членение). Там же. — С. 69 — 101.

3. Всеволодова М. В., Яценко Т. А. Причинно-следственные отношения в современном русском языке. — М.: Русский язык, 1988.

4. Сложное предложение: Традиционные вопросы теории и описания и новые аспекты его изучения: Материалы научной конференции. Вып. 1. М., 2000.

5. Вендлер З. Причинные отношения. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. Логический анализ естественного языка. Составл. В. В. Петрова. — М.: — Прогресс, 1986. — С. 264-276.

6. Степанов Ю. С. Концепт “причина” и два подхода к концептуальному анализу языка — логический и сублогический. // Логический анализ языка. Культурные концепты. — Л., 1991. — С. 5-14.

7. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Школа “Языки русской культуры”. — М., 1997. — 824с.

8. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.

9. Красильникова Л. В. Обучение русскому языку иностранных филологов: вчера, сегодня, завтра // Вестник МГУ. — Сер. 9. — Филология, 2001. — С. 233 — 244.

10. Мещанинов И. И. Понятные категории в языке. // Труды военного института иностранных языков. — 1945. — №1.

11. Бондарко А. Н. Основы функциональной грамматики: Языковая интерпретация идеи времени. — СПб: Изд-во С.- Петерб. ун-та, 2001. — 260 с.

12. Русская грамматика. М., 1980.

13. Гак В. Г. Русский язык в сопоставлении с французским.

14. Котвицкая Э. С. К вопросу о структурированности функционально-семантического поля причинности (на примере фрагмента именной каузальности) // Лингводидактические аспекты описания языка и гибкая модель обучения. — М., 1996.

15. Лебедева Е. К. Причинно-следственные конструкции со значением эмоционального состояния лица и их речевые реализации. КД... филол. н. — М., 1992

Титаренко Е. Я.

ОБУЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ВИДА РУССКОГО ГЛАГОЛА НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ФАЗОВОСТИ

Понимание семантики русского глагольного вида, умение правильно употреблять глаголы совершенного (СВ) и несовершенного (НСВ) вида вызывает серьезные затруднения у иностранцев. С другой стороны, у преподавателей русского языка как иностранного такие же серьезные затруднения вызывает объяснение особенностей употребления глаголов разных видов и выявление закономерностей в этой области. В течение многих лет лингвисты разрабатывают аспектологическую теорию, методисты создают пособия по обучению видам [1, 2 и др.], иностранцы, изучающие русский язык, постоянно заходят в тупик, пытаясь понять, как же правильно употребить тот или иной глагол в речи, а носители языка в каждом конкретном случае легко справляются с этой задачей. Как считает Ю. А. Мартиновский, это происходит потому, что категория вида в русском языке первична, а среди первичных категорий других языков (неславянских) она отсутствует [3, с.70].

Вопрос о том, что представляет собой глагольный вид, “является одним из самых спорных и до сих пор неразрешенных в русском языкознании, несмотря на то, что ему было посвящено (особенно за последние десятилетия) немало интереснейших работ разных толков и направлений и выдвинуто немало различных теорий, зачастую противоречивых.” [3 с.69].